

С. Н. Исковь

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО И ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ

К истории войны 1812 г.

Посвящается памяти
Андрея Григорьевича Тартаковского

В одном из писем П. И. Багратиону в начале августа 1812 г. губернатор Ф. В. Ростопчин писал «из матушки камешной Москвы»: «Подумайте, что здесь дело не в том, что бить неприятеля, писать реляции и привешивать кресты — вам слава бессмертная: спасение отечества, избавление Европы, гибель злодею рода человеческого! В Москве говорят: дай лишь волю, а Багратион пужнет. Мне кажется, что он вас займет да и проберется на Полоцк, на Исков, пить Невскую воду...»¹ Вероятно, последнее представлялось возможным не только Ростопчину, поэтому время от времени предпринимались меры к тому, чтобы, как говорил М. И. Кутузов, «позабиться о Севере и прикрыть его»².

Основные события «достопамятной войны» происходили на «московском направлении, однако многообразная и даже мозаичная картина истории 1812 года складывалась и там, куда война так и не пришла. Это не в последнюю очередь относится к Петербургу, где после известного письма из армии, написанного Александром 14 июля из Бельковицны председателем Государственного совета и Комитета министров Н. И. Салтыкову³, начали принимать меры к эвакуации государственных учреждений, архивов и даже некоторых памятников столицы. Но деятельные меры предпринимались не только собственно для эвакуации учреждений и организации петербургского ополчения; эти меры сопровождалась усилениями, направленными на успокоение столичных обывателей, от глаз которых не укрывалась вся эта деятельность по увязке, складыванию на телеги и отвозу к речным причалам дел и предметов казенного свойства. Этой цели призвано было служить обращение властей к жителям Петербурга, которое было сделано «по Высочайшему повелению» и в котором, в частности, говорилось следующее:

¹ Ростопчин — Багратиону, 6 августа 1812 // Русский архив. 1896. № 4. С. 563.

² Ростопчин Ф. В. Тысяча восьмьсот двенадцатый год в записках графа Ф. В. Ростопчина / Пер. с фр. И. И. Ореус // Русская старина. 1889. № 12. С. 715.

³ См.: Мемуары современников и очевидцев: Календарь Наполеона 1812 г. Бородино по воспоминаниям кн. Вяземского. Березина по воспоминаниям Лемлера и др. материялы. М., 1912. С. 121—123.

Здесь в Санктпетербурге берутся некоторые меры к вывозу пужных вещей. Сие отнюдь не для того делается, чтобы какая-нибудь опасность угрожала сей Столице. Один взгляд на положение войск наших всякаго в том удостоверит и успокоить должен <...>. Что ж касается до вывозу, как сказано, отделе нужных вещей, оное делается единственно для заблаговременной предосторожности, предупреждая замерзание рек. Настоящее время не предъявляет ни какой опасности, но мы бы погрешили против Бога, если бы с несомненною уверенностию стали утверждать будущее, о котором Он Один знает...»⁴

Однако это едва ли могло внести успокоение в умы и сердца столичных обывателей. Как сообщает в своей записке будущий государственный секретарь Василий Романович Марченко, служивший одно время губернатором в Тобольске и затем бывший при Александре I для особых поручений: «Эрмитаж, библиотеки, ученые кабинеты и дела всех присутственных мест вывезены водою на север, чем воспользовались и служащие, присоединив свои ящики к казенным, так что у графа Аракчеева, например, было в доме не более трех ложек. Затем все жили, по пословице, на мази: кто мог, держал хотя пару лошадей, а прочие имели наготове крытые лодки, которыми запружены были каналы. Закрытие банка и ломбарда, с пресечением присылки доходов из деревень, сделало то, что монетный двор не успевал переканнивать в монету приносимых сервизов»⁵. Известия о событиях войны, из тех, которые достигали столицы и, пройдя необходимую цензуру, попадали в газеты, чаще всего не служили средством к успокоению умов; в Петербурге множилось слухи, домыслы и разного рода «предположения», что составляло особый, так сказать, «общественный» фон войны. Разумеется, все это представляло немалый интерес в первую очередь для полицейских органов под руководством созданного в 1811 г. Министерства полиции.

С этой точки зрения донесения, исходившие из Особенной канцелярии Министерства полиции, которая возглавлялась известным впоследствии деятелем III Отделения Максимом Яковлевичем фон Фоком, представляют собой источник, важный во всех отношениях. Эти донесения и сопутствующие им материалы отложились между прочим в фонде Балашовых, который хранится в архиве Санкт-Петербургского Института Истории РАН. Фонд, в котором содержатся материалы, связанные с деятельностью генерал-адъютанта, члена Государственного Совета Александра Дмитриевича Балашова (1770—1837), является частью основного собрания исторического архива института.

Материалы к донесениям фон Фока Балашову представляют интерес и с той точки зрения, что они относятся ко времени становления Министер-

⁴ Архив СПбИИ РАН. Кол. 226. Оп. 1. № 363.

⁵ Марченко В. Р. Автобиографическая записка государственного секретаря... 1782—1838) // Русская старина. 1896. № 3. С. 500.

ства полиции. Учреждение Министерства состоялось, несмотря на то, что в 1810 г. существовал так называемый Корпус внутренней стражи, приданный гражданским властям специально «при поимке воров и разбойников в случае неповиновения власти, при изыскании податей и недоимок».

Как известно, Министерство полиции было выделено из Министерства внутренних дел, образовано 15 июня 1811 г. и состояло из трех департаментов: Департамента полиции хозяйственной, полиции исполнительно-надзорной, Медицинского департамента; кроме того, в состав Министерства входили т. п. Медицинский совет и Канцелярии министра — Общая и Особенная. В ведении Особенной канцелярии относились надзор за книгопродавцами, типографиями, наблюдение, чтобы «не обращались» книги, журналы, мелкие сочинения и разного рода «листки» без установленного на то от правительства «дозволения», сведения о таковых «дозволениях», данных для «принятия» новых сочинений и переводов, а также о «вновь пропущенных» за границы книг, надзор за изданием и «обращением» разных публичных известий (афиш). Кроме же этого, ведению Канцелярии подлежали дела «которые Министр полиции сочтет нужным предоставить собственному его ведению и разрешению». Таким образом, ведению Канцелярии в значительной мере подлежали дела, которые впоследствии подлежали рассмотрению в 1-ой экспедиции III Отделения. Функции же власти, вверенной министру полиции, состояли в том, чтобы «действием его и главным надзором законом и учреждениям, к охранению внутренней безопасности установленным, доставить скорое и точное исполнение»⁶.

Именно к делам, «которые министр полиции сочтет нужным предоставить собственному его ведению и разрешению», и принадлежали дела, связанные с тайным наблюдением и сыском, и именно с ними была связана деятельность М. Я. фон Фока.

И. М. Троицкий, специально занимавшийся историей организации деятельности III Отделения, писал о фон Фоке, что этот «старый полицейский волк» начал службу еще при Балашове и «явился в III Отделение во всеоружии полицейских методов александровского периода»⁷.

Какова же была карьера фон Фока до организации III Отделения? «Формулярный список чиновников Особенной канцелярии Министерства полиции и Цензурного комитета при оном Министерстве состоящего» позволяет проследить это достаточно точно. Директор Особенной канцелярии Министерства полиции, статский советник и ордена Св. Анны кавалер Максим Яковлев сын фон Фок вступил в службу 1 января 1793 г. в чине вахмистром Лейб-гвардии Конного полка, отставлен при Екатерине II в

чине ротмистра (1796, января 1), но в том же году вновь принят в службу при императоре Павле I (май 1796). Отставленный за болезнью в 1799, октября 1), фон Фок покидает военную службу; «в статскую службу вступил с переименованием в коллежские ассесоры в департамент Министерства коммерций» (1802, сентября 22), но и здесь он не задержался: «по представлению Министра коммерции уволен из оного департамента с чином надворного советника» (1804, сентября 12). Вместе с тем уволенный Фок отправлен по особенным его Министра коммерции поручениям в качестве ревизора в Москву, каковую должность исправлял по день упразднения оной то есть 1806 по август месяц».

Так постепенно фон Фок переходит в то ведомство, в котором наилучшим образом проявились и были оценены его способности. «В продолжении исправления сей обязанности» (ревизора. — С. И.) фон Фок «удостоился получить в знак Монаршего благоволения два Алмазных перстня», как было записано в послужном списке. «Когда же Манифестом 30 ноября 1806 г. повелено было составить временное земское ополчение (это в то время, когда увлеченные воинственным порывом горячие головы в правительстве хотели некоторыми упредительными мерами встретить ожидавшееся вторжение французов в Россию, а заодно и, главным, образом навести порядок и дисциплину — С. И.), то Господином Главнокомандующим Генералом от инфантерии Тутольным вызван был для исправления письменных дел по Миллиции Московской губернии».

Но звездный час наступает для Фока в 1811 г., с образованием Министерства полиции. 26 октября он был определен в число чиновников «по § 55 учреждения Министерства полиции при Канцеляриях положенных», но уже 29 декабря фон Фока назначают помощником правителя Особенной канцелярии. 28 марта 1812 г. Фок по Высочайшему указу пожалован был в коллежские советники «со старшинством с того времени, как выслужил узаконенные лета в чине надворного советника».

Забегая несколько вперед, укажем, что «в воздаяние ревностной и усердной службы» М. Я. фон Фок 30 августа 1812 г. был пожалован кавалером ордена Св. Анны». Высокая награда была вполне заслуженной, ибо, благодаря во многом усилиям Фока и умелому пользованию налаженными каналами получения конфиденциальной информации, правительство и император были вполне осведомлены об общественных настроениях в столицах и за их пределами, что было исключительно важно в условиях войны. Правителем Особенной канцелярии Фок становится 26 марта 1813 г.⁸.

Личность фон Фока была во всех отношениях примечательной. Многие из современников отзывались о нем сочувственно. Так, в 1831 г., в год поражения Польского восстания, на смерть Фока близко знавший его и со-

⁶ Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство: Краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 80—81.

⁷ Троицкий И. М. III-е Отделение при Николае I. Л., 1990. С. 64.

⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4-1818. Д. 175. Л. 175-176.

стоявший с ним в переписке А. С. Пушкин откликнулся следующей запиской в своем дневнике: «На днях скончался в П. Б. Фон-Фок, начальник 3-го отделения Государевой канцелярии <тайной полиции>, человек добрый, честный, твердый. Смерть его есть бедствие общественное...»⁹ Видный журналист и литератор Николаевского времени Н. И. Греч писал: «Я был знаком с директором Особенной канцелярии министра внутренних дел (что ныне III Отделение канцелярии Государя) Максимом Яковлевичем фон Фоком с 1812 г. и пользовался его дружбой и благосклонностью. Он был человек умный, благородный, нежной душой, образованный, в службе честный и справедливый...»¹⁰ «Благороднейшим» называл М. Я. фон Фока не только Греч, но и другие знавшие его современники, чем волюн или невольн противопоставляли его тому, в чем подчинении он находился.

О министре полиции А. Д. Балашове, которому собственно и адресованы донесения фон Фока, известно гораздо больше, чем об его корреспонденте. Отсылая читателю к содержательной статье о нем и к указанной при ней литературе¹¹, укажем только, что начал службу Балашов в Измайловском полку, затем перешел из гвардии в армию и к 29 годам был уже генерал-майором и Ревельским генерал-губернатором; в 1804 г. он стал обер-полицеймейстером в Москве, а затем в 1808 г. в той же должности был определен в Петербург, где в 1809 г. становится генерал-губернатором. При учреждении Государственного Совета Балашов входит в число его членов, а в образовании Министерства полиции становится во главе этого учреждения.

Нельзя сказать, что в суждениях своих современники были благосклонны к первому министру полиции. «Природа, — писал в своих примечательных записках Ф. Ф. Вигель, — дала все Александру Дмитриевичу Балашову, взамен приятности наружной, в которой отказала ему; дала ему все, что нужно для успехов: хитрость Грека, сметливость и смелость Русского, терпение и скромность Немца... Заронилась одна благородная искра в этот не обыкновенный ум, воспламени его, и отечество гордилось бы им... Доказательством удивительной его ловкости служит то, что он успевал в своих намерениях, никогда не придерживаясь ни Сперанского, ни Аракчеева; последний почитал его даже врагом своим и старался ему вредить...»¹² Что и говорить, характеристика поверхностная и пристрастная, многое в ней бездоказательно и расплывчато, но и такая характеристика важна как отражение общественного мнения об известных фактах в соединении с тем, что известно было «воспоминателю» из первых рук.

Известна и другая характеристика, содержащаяся в записке, составленной так сказать «для сведения» и поданной графом В. П. Кочубеем

Александру I в 1818 г., т.е. тогда, когда Министерство полиции было уже упразднено, а сам бывший член «Непререваемого комитета» стал министром внутренних дел. Впрочем, характеристика эта касается больше не личности А. Д. Балашова, а правов тайной полиции, точнее той практики, которая была в ходу едва ли не всегда, приобретая «повальные» размеры по мере возрастания служебного звания всего аппарата сверху доверху. «Вверенное Балашову Министерство полиции вскоре вполне отделилось от своей цели: — общего надзора и, главным образом, надзора законного. Балашов хотел за нужное обратиться в Министерство шпионства. Город (Петербург. — С. И.) закипел шпионами всякого рода: тут были и иностранные, и русские шпионы, состоявшие на жалованье, шпионы добровольные; практиковалось постоянное передевание полицейских офицеров; уверяют даже, что сам министр прибегал к передеванию. Эти агенты не ограничивались тем, что собирали известия и доставляли правительству возможность предупредить преступления, они старались возбуждать преступления и подозрения. Они входили в доверенность к лицам разных слоев общества, выражали неудовольствие на Ваше Величество, порицая правительственные мероприятия, прибегали к выдумкам, чтобы вызвать откровенность со стороны этих лиц или услышать от них жалобы. Всему этому давалось потом направление сообразно видам лиц, руководивших этим делом. Мелкому люду, напуганному такими доносами, приходилось входить в сделки со второстепенными агентами Министерства полиции... О более известных лицах сведения сообщались министру, который пользовался ими по своему усмотрению»¹³.

Таким образом, если визиты Балашова и в самом деле имели цель войти в доверие и исподволь получить представление об истинном направлении ума бывшего «молодого друга» императора, то, вероятно, министр не склонен был перепоручать такого рода деликатные дела другим лицам, полагаясь только на себя; когда же аналогичные действия предполагались в отношении других, менее значительных, лиц, в распоряжении министра была немалая сеть агентов в самых различных слоях общества, непосредственное сношение с которыми находилось в ведении фон Фока. Именно к нему стекались ежедневные донесения тайных осведомителей, а их патрону оставалось только направлять их усилия наставлениями конкретного характера и составлять собственные донесения министру. При этом фон Фоку не надо опасаться слежки городской полиции за собственной агентурой, что практиковалось уже позднее, как не было нужды и в опасениях насчет конкурентов, которых в 1812 г. еще просто не было.

Агенты фон Фока и их сотрудники, среди которых, по-видимому, было немало добровольных осведомителей, трудились практически ежедневно и

⁹ Пушкин А. С. Сочинения: [В 6 т.] / Под ред. С. В. Венгеровой. СПб., 1914. Т. V. С. 413.

¹⁰ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 248.

¹¹ Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. II (Алексинский — Бестужев-Рюмин). С. 442—444.

¹² Вигель Ф. Ф. Записки... М., 1892. Ч. III—IV. С. 114—115.

¹³ Быхов И. А. Деятели и участники нашествия Сперанского // Русская старина. 1902. Т. СХ. № 3. С. 488.

езде, где требовались их услуги. Особое внимание обращалось, естественно, на иностранные посольства, дипломатические представительства Франции и ее союзников, а также тех, кто мог в ближайшее время, в силу предполагавшихся союзов, стать таковыми. Были свои люди у фон Фока на столичной бирже, откуда получалась информация о том, что говорили в купеческой среде, включая, разумеется, и иностранных коммерсантов. Не были оставлены вниманием и прочие места скопления людей — театры (особенности, французский), кондитерские, трактиры, клубы, а также некоторые частные дома, где собиралось избранное общество. Среди сотрудников петербургской прессы также были поставщики разного рода «известий», из числа главным образом тех, кто по долгу службы просматривал и прочитывал полученные по почте свежие выпуски иностранных газет, после чего, вооружившись ножницами, цензорски кромсал их на предмет того, что разрешалось опубликовать в русском переводе; таким образом газетные известия — из числа тех, которые не проходили цензуру — также оказывались на столе фон Фока.

Естественно, что среди агентов были разные люди и в донесениях не было мало информации, мягко говоря, непроверенной, т.е. той, которая всегда служила заменой при отсутствии должных профессиональных навыков и изобретательности в деле добывания особо важных сведений, а также для того, что возвысить собственный кредит в глазах начальства. Что же касается фон Фока, то анализ самих донесений показывает, что тот служил не из страха, а за совесть, и сокрытие информации, в том числе и той, которая при случае могло и позабыть, едва ли практиковалось.

Едва ли есть необходимость доказывать то обстоятельство, что донесения фон Фока и материалы к ним представляют самостоятельный интерес для характеристики общества и унастроений эпохи.

Помеченные в настоящей публикации материалы к донесениям в точности сохраняют орфографию и пунктуацию подлинника за исключением тех случаев, когда это затрудняет восприятие и затемняет смысл. Языковые особенности донесений, интересные сами по себе, передаются максимально точно, ибо важны как с точки зрения характеристики самого фон Фока, так и его информаторов. Пагинация подлинника приводится в легендах к каждому документу. обороты листов документов обозначаются в тексте знаком «//». Переводы иноязычных текстов выполнены автором составителем с соблюдением стилистики начала XIX в. Публикация сопровождается кратким комментарием.

В настоящее время в рамках одного проекта готовится публикация всех материалов, отложившихся в личном фонде министра полиции А. Д. Балашова и имеющих отношение к событиям 1812 г.

«СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА ФОКА В ПЕТЕРБУРГЕ»

материалы к донесениям помощника правителя

Особенной канцелярии М. Я. фон Фока

Министру полиции А. Д. Балашову, 10—15 сентября 1812 г.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 232. Л. 37-44 об.

(№ 1)

10 Сентября.

Nouvelles du foyer Français

Renseignemens sur
les marchands
Anglois

Des Bruits de
la ville

Ils craignent de débarquer leurs marchandises dans les circonstances présentes, et attendent une reponse à la notification faite par lord Kathcart au gouvernement, pour lui demander une explication sur sa lenteur à la renouveller le traité de commerce; mesure, dont ils exigent l'exécution pour en notre faveur avec vigueur.

Les Français, établis ici, croient que ville Suède n'agira efficacement qu'après la restitution du Duché de Finlande et ils croient qu'en cas de refus, les troupes Suédoises, débarquées sur le territoire Russe, ne prennent fait et cause contre nous avec l'armée de Macdonald qui ne s'est retiré, disent-ils, que pour se joindre au corps du maréchal Victor et revenir ensuite sur leurs pas avec de l'artillerie, pour bloquer et prendre Riga; deplus ils croient que Napoléon seroit prêt à faire la paix pour peu qu'on consentit à ne pas accorder des avantages plus marqués dans le Commerce aux Anglois qu'à la France.

On a dit, et c'est Frogère qui l'a entendu dire à Madame Narichkine, que les Français étoient entrés le cinq de ce mois à Moscou, à six heures du soir; mais le même jour // cette nouvelle a été déclarée fausse et on a annoncé la victoire dont il a été fait mention hier. L'Empereur Alexandre a déclaré à son conseil, disent les Français, que la noblesse l'ayant excité à la guerre qu'il ne vouloit pas faire, connaissant les plans et les moyens étendus de l'ennemi, elle n'avoit qu'à se tirer d'affaire et qu'il ne vouloit plus se mêler des affaires, même s'il auroit pu obtenir la paix, vu que cette même noblesse avoit restreint son pouvoir en fixant le choix du général en chef et en exécutant des mesures qui n'avoient nullement contribué à améliorer l'état des affaires. Napoléon, prétendent encore les

Français, adore Alexandre autant qu'il abhorre la noblesse, d'après le tableau de son caractère que lui a fait Caulincourt. On n'est pas content ici du Comte Rastopchin pour le refus qu'il a fait d'exécuter une mesure qu'on lui avoit proposé d'exécuter à Moscou à l'approche de l'ennemi; c'étoit une espèce de machine infernale. On tient cette nouvelle d'une Baronne Leondorn, allemande de naissance, qui demeure vis vis Bieloselsky; maison Semenoff N 151, s'occupe de brocantage et connoit beaucoup de personne des classe supérieures qui viennent // la voir fréquemment. Elle est venue ici avec un accessoire de 30000 roubles, à ce qu'on prétend, pour brocancer; mais voila ce qu'il faut vérifier. Elle n'aime pas Bonaparte — à ce qu'elle dit. Gardez les faux frères!

перевод:

10 Сентября.

Новости из фойе Французского театра

Сведения об английских купцах

Они боятся в нынешних обстоятельствах выгружать свои товары и ожидают ответа на нотификацию, сделанную лордом Кэткартом¹ здешнему правительству, чтобы потребовать от одного объяснений в промедлении с обнаружением торгового трактата², мера, исполнения которой они требуют, дабы энергически действовать в нашу пользу.

О городских слухах

Французы обретающиеся здесь, полагают, что Швеция в определенности обнаружит свою деятельность токмо после восстановления герцогства Финляндского³, и оные

¹ Кэткарт, Уильям Шоу (1755—1843), британский генерал и дипломат, с августа 1812 посол Великобритании в Петербурге.

² 9 (21) июня 1812 министр финансов Д. А. Гурьев представил в Комитет министров свое мнение о необходимости отменить ранее установленное эмбарго на британскую собственность и правила нейтральной торговли (Журналы Комитета министров. 1806-1826. Т. II. СПб. 1891. С. 494—496). 4 (16) августа 1812 был подписан указ о восстановлении торговых отношений между Россией и Великобританией (Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. С. 405), а по манифесту от 12 сентября всем российским подданным было позволено вступать в торговые отношения с английскими подданными (Северная почта или Новая Санктпетербургская газета. 25 сентября 1812).

³ По Фридрихсгамскому мирному договору, заключенному между Россией и Швецией 5 (17) октября 1809, Финляндия и Аландские острова были присоединены к России, вопрос о Финляндии некоторое время мог представлять препятствие к налаживанию добрососедских отношений между двумя странами. Однако, вопреки разного рода предположениям, это не имело последствий, и по словам российского поверенного в делах в Стокгольме барона П. А. Николаи в депеше Н. П. Румянцеву, о Финляндии «здесь уже начинают забывать» (Николаи — Румянцеву, 19 (31) октября 1811 // Внешняя политика России XIX начала XX вв. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1962. Т. VI. С.

думают, что в случае отказа шведские войска, высадившись на российской территории, не вступят в дело, но соединятся противу нас с армией Макдональда⁴, который отступил лишь для того, чтоб соединиться с корпусом маршала Виктора⁵ и вернуться затем на прежние позиции вместе с артиллерией, осадить и взять Ригу⁶; более того французы полагают, что Наполеон готов был бы заключить мир, если только русские согласились бы не представлять большие преимущества в торговле англичанам, нежели Франции.

Говорят — и это Фрожер⁷ в разговоре с госпожой Нарышкиной⁸ — что французы вступили 5-го сего сентября в Москву, в 6 часов вечера; но в тот же день // было объявлено, что сие не соответствует действительности, а на самом деле была одержана победа, о чем вчера и было объявлено⁹. Император Александр заявил своему совету, — говорили промеж себя французы, — что поелику дворянство поощряло его к войне, коей он не хотел, зная планы неприятеля и пространные способы ко их достижению, оно и должно выпутываться из беды, а он не желает вмешиваться более в дела, даже если б он мог добиться мира, ввиду того, что это самое дворянство ограничивало его власть, назначив выборы главнокомандующего и осуще-

214); это, в частности, в политике, проводившейся шведским наследным принцем и регентом, бывшим маршалом Франции Ж.-Б. Бернадоттом, которая строилась на соображениях безопасности и сотрудничества с Россией.

⁴ Макдональд, Этьенн Жак Жозеф де (1765—1840), маршал Франции (1809), герцог Тарентский (1809). В 1812 М. командовал 10-м корпусом Великой армии.

⁵ Виктор, Клод Виктор Перрэн (1764—1841), маршал Франции (1807), герцог Бельгийский (1808). В 1812 В. командовал 9-м корпусом Великой армии.

⁶ В 1812 г. в числе операционных задач корпуса маршала Макдональда было овладение Ригой. Однако маршал не решился на осаду и штурм города, и в течение всей кампании находился в окрестностях курляндской столицы, не ведя активных боевых действий, а во время отступления присоединился к Великой армии.

⁷ Фрожер, французский актер, упоминается в перечне актеров французской труппы, которым 18 ноября 1812 в связи с роспуском труппы была назначена выплата жалования (Камер-Фурьерский церемониальный журнал. 1812 года июль-декабрь. СПб., 1911. С. 762).

⁸ Одно из двух: либо имеется в виду Анна Никитична Нарышкина (1730—1820), дочь генерал-майора Н. И. Румянцева и супруга А. А. Нарышкина, гофмейстера, либо, что более вероятно, известная фрейлина Мария Антоновна Нарышкина (1779—1854), урожденная княжна Четвертинская, супруга обер-егермейстера Д. И. Нарышкина и любимица Александра I.

⁹ «Северная почта», в субботнем номере от 31 августа 1812 поместила корреспонденцию, начинавшуюся словами: «Вчера, 30 августа, день Тезоименитства Государа Императора ознаменован был торжеством одержанной над врагами нашими победы...»; там же были напечатаны письма М. И. Кутузова Александру I от 23—27 августа и сообщение о пожалованных по этому случаю наградах. «Санктпетербургские ведомости» поместили аналогичное сообщение лишь в «Приложении» от 3 сентября.

стив меры, кои отнюдь не способствовали улучшению положения дел. Наполеон, — по утверждению тех же французов, — глубоко уважает Александра и столь же глубоко презирает дворянство, согласно тому, что о нем говорил Коленкур¹⁰. Здесь высказывают недовольство графа Ростопчина за отказ прибегнуть к мере, предлагавшейся ему при приближении неприятеля к Москве; речь идет о чем-то вроде адской машины¹¹. Эту новость распространяла некая баронесса Леондорн¹², немка по рождению своему, которая жительствоует супротив князя Белосельского¹³, в доме Семенова под номером 151¹⁴, занимается торгом подержанными вещами и знает многих особ из высших классов, кои // часто посещают ее. Она приехала сюда с имуществом, оцениваемым в 30 000 рублей для того, чтобы, как утверждают, торговать оным; но вот этого и надобно еще выяснить. Она не любит Бонапарта — как сама она говорит. Берегись фальшивых нищих!

Сентября 13.

Из дома Министра финансов

За несколько дней в доме Министра финансов¹⁵ было собрание; собравшиеся в передней лакеи завели разговор о настоящих военных обстоятельствах и об опасности в которой находится Отечество и после рассуждений говорили, что надобно всем споспешествовать к спасению Отечества и на защищение веры и Государя, но что делать? Один из них отвечал, что надобно выбрать между

¹⁰ Коленкур, Арман Огюстен Луи де (1773—1827), маркиз, затем герцог Вичерисский (1808). Дивизионный генерал, посол Франции в России (1807—1811).

¹¹ Граф Федор Васильевич Ростопчин (1763—1826), генерал от инфантерии (1812) «главнокомандующий» Москвы. «Адская машина» — легателльный аппарат (азростат), который по замыслу работавшего над ним немца на Вюртемберга Франца Лепника, должен был уничтожить Великую армию; изобретатель был рекомендован Александру I российским послом в Вюртемберге Д. М. Алопеусом, и его работы в окрестностях Москвы осуществлялись под покровительством Ростопчина. Испытания азростата закончились полной неудачей, приближение французов заставило перевести дальнейшие работы в Ораниенбаум, которые также не привели к успеху.

¹² Неустановленное лицо.

¹³ Белосельский — к тому времени покойный князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский (1752—1809), действительный тайный советник, обер-шенк и сенатор, также действительный камергер; именно ему, поэту, много и успешно писавшему по-французски, было разрешено (1799) прибавить к своей фамилии «Белозерский».

¹⁴ Вероятно, ошибка осведомителя, т.к. дом купца Гаврилы Семенова находился в «Клейновой части на Невском проспекте» под № 176.

¹⁵ Дмитрий Александрович Гурьев (1751—1825), министр финансов и уделов (1806—1825). Министр жительствовавший в I Адмиралтейской части, в угловом доме по Алтеевскому переулку и Дворцовой набережной.

В Гостинном дворе.

Говорят, что после последнего сражения у Москвы Наполеон писал к Государю и предлагал мир с тем, что возвратит России все завоеванные им Губернии, под тем однакоже условием, что все Российские порты будут заперты Англичанам. С ответом на сие письмо отправлен в Москву Князь Волконский¹⁹.

В день Рождества Богородицы²⁰ у Вишовой биржи²¹ собралось множество народу и толковали о войне, антихристе и Москве; а наконец единогласно сказали: зачем Государь молчит, неужели мы не православные и не дети одного Отца? Пусть только гукнет, и мы готовы все поголовно идти.

Рассказывают, что неприятель обошедши Москву, расположился у Клина. Но полагают, что сии ложные известия распускаются французами, которых все таки отсюда не высылают²².

Англинский посол проживает и по ныне в Hotel du Nord²³ и даже другого дома не ищет, что подает повод к разным беспокоющим заключениям как и то, что запечатанные во время войны с Англиею товары, еще не выдаются. //

¹⁶ Речь идет о протоиерее Кирилле Яковлевиче Яковлеве (1764—1851), который умер в 65 году своего священства и похоронен на Митрофановском кладбище Петербурга рядом со своим сыном И. К. Воцким.

¹⁷ Возможно, речь идет об Алексее Ильиче Соловьеве (1792—1852), похороненном на Смоленском православном кладбище, но может быть здесь имеется в виду Василий Панкратьевич Соловьев, умерший на 74 году жизни и похороненный на Смоленском кладбище Петербурга.

¹⁸ Разглашение предвосхищает официальные сообщения, которые появились в «Санкт-петербургских ведомостях» 17 сентября (письмо Кузцова императору от 4 сентября), а в «Северной почте» — 21 сентября (заметка «Из Твери, от 13 сентября»).

¹⁹ Упоминается генерал-адъютант князь Петр Михайлович Волконский (1776—1852), будущий министр Двора. Что касается письма Наполеона Александру I, то слух о нем предвосхищает события, поскольку помимо прочих, оставшихся без последствий, попыток завязать мирные переговоры, известно только о письме императора французов от 20 сентября, переданном через И. А. Яковлева, брата бывшего российского посла в Касселе Л. А. Яковлева (см. Яковлев И. А. Записка о 1812 году // Русский Архив. 1874. № 4. Ст. 1062—1069); как известно, ответа на это письмо, тем более с генерал-адъютантом П. М. Волконским, не последовало.

²⁰ Т. е. 8 сентября.

²¹ Вишвая биржа — так в Петербурге называли цирюльню на углу Невского и Владимирского проспектов, где стриглись лица, занимавшиеся казенным и частным извозом.

²² В отличие от Москвы, где высылки и даже телесные наказания подозрительных иностранцев практиковались, в Петербурге дело ограничивалось только надзором со стороны полиции и составлением списков подозрительных.

Вчерашнего дня при выходе из театра²⁴, некоторые идущие с дамами, которые желали видеть французский Спектакль, сказали: французские представления не прежде кончатся, пока не зажгут актеров и зрителей вместе с театром²⁵.

В некоторых домах говорят, что Армия наша на ретираде от Виллы до Смоленска потеряла 80 //т. человек.

Придворные служители между собою говорят, что Императрица Елисавета Алексеевна решила остаться здесь и от народа не бежать, почему и не велела уходить свои сокровища; а Государыня Императрица Мария Феодоровна ежечасно в слезах, грустит и велела все собрать во дворце и училищах²⁶ и готовится к отъезду, сие, говорят, происходит от Графини Ливеной²⁷, о которой разсуждают, что подкуплена Бонапартом, у двора в неограниченном кредите и первая подпора Графа Румянцева²⁸, Барклая // де Толли и прочих немцов окружающих Государя. Сии же лобовишники внушают ей свою систему и образ мыслей и таким образом пугают чрез нее Марию Феодоровну. А народ смотря на Императрицу приходит в смущение и опасается что Она уговорит Государя к заключению мира с Франциею и к запрещению торговли с Англиею.

Говорят под рукою, что по решению в последнем Комитете положено было отдать Москву неприятелю, вследствие чего Король Неаполитанский²⁹ взшел в сия Столицу.

Публика бесится против Графа Аракчеева, что не получает никаких известий³⁰

²³ Отель дю Нор или как указано в «Санктпетербургской адресной книге на 1809 год» «Готель дю Норд» находился во II Адмиралтейской части Петербурга «напротив Марининского Института, что в Офицерской улице».

²⁴ Вероятно, речь идет о театре, который располагался на площади близ Екатерининского сквера.

²⁵ Слева на полях сообщения сделана пометка: «Сие слышал Надворный советник Алопеус сам на полицейском мосту; но в темноте не мог различить людей; а видел только что взопили в дом Кутайсова». Д. М. Алопеус (1768—1831), действительный тайный советник, дипломат, проживавший по адресу: I Адмиралтейская часть. I квартал в доме по Дворцовой набережной № 11; дом Павла Ивановича Кутайсова (1780—1840), гофмейстера и сенатора находился в I-й Адмиралтейской части Петербурга на Большой Миллионной улице, близ Мошкова переулка.

²⁶ Мария Феодоровна (урожд. София Доротея Августа принцесса Вюртембергская) (1759—1828), великая княгиня, императрица (1796) и императрица-мать; имеются в виду подведомственные ей воспитательные сиротские учреждения.

²⁷ Имеется в виду Дарья (Доротея) Христофоровна Ливен (1785—1857), урожденная Бенкендорф, фрейлина императрицы Марии Феодоровны, супруга графа Х. А. Ливена, которая в 1812 г. была еще в Петербурге, но в 1814 г. отбыла в Лондон, поскольку ее муж в 1812 получил назначение в британскую столицу в качестве посла.

²⁸ Граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826), дипломат, министр иностранных дел (1808—1814) и канцлер Империи, назначенный на этот пост в 1809 г.

²⁹ Мюрат, Исахим (Иоахим-Наполеон) (1767—1815), маршал Франции (1804). Великий герцог Бергский, затем король Неаполитанский (1808). В 1812 М. командовал резервной кавалерией Великой армии.

³⁰ Речь идет об обычной практике контроля за корреспонденцией в военное время. Многие, в том числе высокопоставленные лица, не раз на собственном опыте могли убедиться в том, что задерживание и вскрытие писем, а также лерлоострация осуществлялась направленно образом с целью получения достоверных сведений об общественных настроениях. Например, В. Р. Марченко пишет в своей записке о том, что «лерлоостровки» не избежали и частные письма М. И. Кутузова (Русская Старина. 1896. № 3—4. С. 492—404, 3—10).